

Николай Тимченко

Легенды Красноярья

Алтайская быль

В очень давние времена это было. Да и было ли? Прямых доказательств не сохранилось, но есть легенда. О ней-то я и поведаю вам. В те времена люди ещё учились ремёслам, не умели добывать огонь и готовить на нём пищу. Тогда и спустились с небес на землю Белые Боги. Добрыми они были — учили всему людей.

Люди на доброту тоже добром отвечали, а в общении с богами вели себя как с равными себе. И было это взаимно, оттого брали Белые Боги в жёны земных женщин. Все радовались, когда рождались дети. А как не радоваться? Дети росли здоровыми — любая болезнь миновала их. Становясь взрослыми, вырастали до трёх метров, сильными, выносливыми и смыслёными. Почти как Боги, только бессмертия не унаследовали от небесных отцов.

Рослых сынов божеств люди называли великанами. Неизвестно, как долго длилась мирная пора заимствования необходимых людям знаний и неведомых ранее умений. Вдруг, неожиданно-негаданно даже для Белых Богов, в край мира и созидания спустились Тёмные Боги. Это были носители зла, неискренности, лицемерия, предательства и ещё многих пороков, которые можно встретить у людей в наши дни.

Тёмные Боги спустились, чтобы вершить беззаконие и вселять в умы юного ещё человечества низменные качества: трусость, корысть, ложь, лень, жадность, зависть, жестокость, эгоизм, тщеславие... И это далеко не всё, что, как ржавчина, разъедает душу человека, превращает его в безнравственное, алчное существо. Белые Боги, учившие людей добру, справедливости, коллективизму — всему, что должно противостоять основам тёмных сил, оградили людей от носителей зла и невестства, вступили в смертельную схватку с Тёмными Богами.

Вам, наверное, приходилось видеть, как дерутся люди. Они ударяют друг друга, кто-то при этом падает, потом встаёт и наносит свои удары. Драка — это жестокое действие озлобленных существ, нередко теряющих человеческие качества и облик. Это неприятное зрелище, которое хочется немедленно прекратить. Но как, если не участием в этой самой драке?

Учить людей хорошим манерам в это время бесполезно, уговоры прекратить проявления звериных инстинктов тоже безуспешны. Как же прекратить драку? Растащить дерущихся, если их мало, а окружающих много? Крикнуть: «Разбегайтесь, полиция рядом»? Выстрелить вверх из ружья, если оно есть? Среди людей наступает момент, когда силы дерущихся кончаются, их не остаётся для продолжения драки. А каково, если в беспощадную схватку вступили бессмертные и всесильные не устающие Боги? Я не представляю исход такого сражения.

Но вернёмся к легенде. Белых Богов стали теснить. Они приказали всем уходить под землю. Люди послушно спрятались в пещеры, что по соседству от места сражения, а старший из божественных сыновей, Алтай, остался защищать те пещеры.

Остальные великаны с их матерями и сёстрами выполнили приказ по-своему. Трое из божественных сыновей приподняли огромную скалу так, что под ней образовалось пространство. Подставив под скалу свои сильные плечи, великаны удерживали часть горы над скалой у входа в образовавшуюся пещеру. Матери и сёстры вошли под глыбу.

Когда другие братья-великаны подняли на свои плечи скалу в глубине пещеры и все прошли дальше, первые божественные сыновья сбросили с себя скалу. Гора с грохотом обрушилась, закрыв вход в рукотворную пещеру. Шабала — так называли люди замурованный вход, в котором исчезли великаны. Долго ещё слышался удаляющийся подземный грохот.

Белые Боги, убедившись, что сыновья неуязвимы, стали действовать решительнее. Молнии, порождаемые их гневом, как частые струи дождя, летели в неприятелей. Некоторые из тех молний рикшетили от противников, какие-то, ударяясь в плоть Тёмных Богов, изгибались причудливыми зигзагами. Другие — пронзали неприятелей, обжигая их, ненадолго ослабляя.

Грохот ли потревоженных гор или усилившийся натиск Белых Богов, но что-то заставило Тёмных Богов отступить, а потом и вовсе покинуть землю. Белые Боги пустились преследовать противника в небесах, дав Алтаю наказ — хранить всё земное.

Лишь спустя время узнали люди, что и Тёмные Боги исчезли не все. Оставили они Лиходея творить лихие дела, делать людям пакости и мерзости. Именно по проделкам и прознали о его существовании.

Небесные отцы наделили сына божественной властью и мудростью, но не бессмертием. Прошли годы, а быть может, и столетия столетий, но пришла пора Алтаю покинуть наш мир. Обесиленный, он лёг на самую высокую гору, чтобы перед смертью посмотреть на мир с высоты. С той поры горы называют Алтайскими, по имени сына Белых Богов, не давших Тёмным Богом всецело владствовать над человечеством.

Позже люди узнали, что в горном Тибете есть буддийская страна Шамбала. С созвучием названий имеем мы дело, или великаны прошли под горами от Алтая до Тибета и обосновались там, — остаётся только гадать. Говорят, что иногда над Тибетом появляется белое свечение, теряющееся высоко в небесах. Предполагают, что это Белые Боги спускаются навестить своих потомков.

А как вы думаете, сколько лет может быть этой легенде? Может оказаться, что и десяти тысяч лет не хватит для отчёта хождения её по свету. Знаю точно, что ей больше пяти тысячелетий. Иначе речь шла бы не о множестве Белых и Тёмных Богов, а об одном — Будде, например.

Хождение за судьбой

В стародавние времена жили-были на земле... Похоже начало на сказку? Нет, дедом и бабкой они стали потом, а сначала были молодыми мужем и женой. Вместе радовались маленьким совместным успехам, вместе терпеливо переживали тяготы да невзгоды. Десяток лет во взаимной помощи прожили, да вот незадача — детей у них на ту пору не было.

Чтобы решать, как им дальше жить, пошли к старцу — всезнающему ведуну Алтаю, хранителю всего живого на земле и под землёй. Старец внимательно выслушал супругов и поведал тайну их будущего:

— Будет у вас два сына, которых назовёте вы Саянами. Будут они расти на радость вам да на зависть другим. Как пора подойдёт, повзрослеют отроки ваши, так пошлите их ко мне, я им дальнейшую судьбу поведаю.

Возвратились муж и жена на место, за столблённое ими перед уходом к ведуну. Поправили жилище в ущелье, обветшавшее за время странствий, стали обживать. В гранитной скале, которую Первым столбом называли, пещеру сделали. Звуки в ней усиливались так, будто колокол в набат бил.

«Никто неуслышанным не подберётся, Колокол непременно оповестит нас о пришельцах. Пусть воюют соседи между собой, не оповещённые

о внезапном нападении», — думали знакомые нам муж и жена.

На вершине Второго столба округлый камень Яйцо стражем поставили.

«Сорвётся с вершины камень, загремит, ударяясь о скальные выступы, громом отзовется в поднебесье, разбудит нас в любую пору крепкого сна», — решили тогда уверенные в своей безопасности хозяева.

Вскоре и сыновья родились, ровно по заверению старца-ведуну. Когда родился старший сын, по ущелью пролетал западный ветер. Заглянул на ходу в людское жилище. Отозвалось ущелье: — Западный Саян предстал свету белому. Сильным вырастет.

Услышали эти слова родители и назвали сына по сказанному ведуну и ущельем. Когда второй сын родился, мимо жилища пролетал восточный ветер. Потому-то нарекли младшенького сыночка Восточным Саяном.

В трудах и заботах, в радости и печали незаметно летит время. Подошла пора — пошли сыновья к старику Алтаю. Самим интересно было, какую правду ведун про их судьбы расскажет. Перед уходом отец с матерью пути-дороги рассказали, чтобы не плутали повзрослевшие дети, не теряли время на бесполезные хождения. Верного пса богатыри в дальний путь взяли.

Там, где пошли братья от отеческой обители, за ними каменная стена выросла из-под земли. Люди её Китайской Стенкой называли. Долог ли, короток путь был, но предстали богатыри Саяны перед ликом ведуну Алтая. Внимательно осмотрел старец братьев, но не открылось ему будущее юношей. Неведомые тёмные силы мешали ясновидящему старцу сосредоточиться. Не исключено, что это чары Лиходея затмили ясновидение ведуну.

Послал Алтай братьев к убелённому сединой повелителю и стражу жизни морской — старику Байкалу. Не любопытством полны, а выполняя родительский наказ — узнать о судьбах своих, пошли Саяны к Байкалу. Непрост дальний неизвестный путь. Притомился старший брат, прилёг. Договорились братья: если случится что, разбудит младший старшего. Быстро сморил крепкий богатырский сон Западного Саяна. И здесь не обошлось без Лиходеевых чар. А Восточный Саян с собакой дальше пошёл.

Сколько прошёл он, то неведомо, только и на него дрёма навалилась. И не простая дрёма, а силы богатырские отнимающая. Слабеющей рукой взял он огромный камень и бросил, чтобы старшего брата разбудить, о неведомых тёмных силах сообщить. Близко от брата упал камень. Наползину в землю ушёл. Камень тот пиком Грандиозным зовётся, над всеми вершинами возвышается. Содрогнулась земля, гром от падения по округе разлетелся, а брат спит непробудным сном.

Крепки тёмные силы—старшего брата одолели, и младшему беда грозит. Догадался Восточный Саян, что не разбудил брата. Взял несколько стрел, натянул тетиву лука и пустил стрелы к родному дому. Хотел Яйцо со Второго столба сбить, чтобы загромыхало оно и оповестило о беде родителей. Немного отклонились в полёте стрелы. Вошли в землю до самого оперения. Те скалы-стрелы люди теперь Перьями называют.

Понял младший из Саян, что и стрелы не помогли. Послал он верного пса, чтобы тот из родных мест людей на помощь привёл. Помчался пёс кратчайшими путями. Горы преодолевал, реки переплывал, близок дом, но тёмные силы, чтобы помешать быстрому собачьему бегу, наперерез стаю волков отправили. Долго отбивался пёс, да только неравным тот бой был. Пёс, истерзанный в драке с волками, понял: не отбиться ему от дикой стаи. Вскочил верный друг и слуга Саян на высокий камень, поднял морду и жалобно завыл.

Разнёсся вой до поднебесья, но не услышали люди. Так и окаменел пёс с поднятой к небу головой. В морозные ветреные дни и теперь прилетают в те места отзвуки пёсего воя, но люди думают, что это голодные волки среди тайги воют. Это теперь слышится вой, а тогда некому услышать было. Тёмные силы на всё живое мор навели. И состарившиеся к тому времени родители, ставшие дедом и бабкой, и соседи их, и звери, и птицы—все окаменели.

Стоят теперь каменные великаны с образами людей, птиц и зверей, напоминая о далёкой жестокой поре. Дед с Бабкой так и стоят в ожидании сыновей. Дед смотрит на запад, откуда не смог прийти старший, а Бабка—на восток, где уснул вечным сном её младший сын, Восточный Саян. В последние мгновения смыкающимися глазами видел он воды Байкала. Немного не дошёл, но не нашлось сил идти или ползти дальше.

Вот такой оказалась судьба братьев. Но и это ещё не конец древней были. Узнал старик Байкал о ходоках к нему, а узнав, обессмертил братьев. Но не в человеческом обличии знаем мы их теперь. Горами стали богатыри Саяны.

Семейство Тубы

Много ль, мало ли времени минуло после тех событий, но узнали люди, что у Лиходея есть взрослый сын. Звался он Тофаларом. Сын впитал в себя те же качества, которыми обладал отец. Но одно он не унаследовал, а перенять это было невозможно: как и сыновья Белых Богов, он родился смертным. Об этой малости отец умолчал, скрыл от сына.

И вот настала пора предоставления Тофалару полной самостоятельности. Отец решил оставить сына поближе к себе—в горах Восточного Саяна. Довольный свершённым, Лиходей поехал в собственные владения. Не сдержался злодей

Лиходей от причинения зла там, докуда раньше добирался редко.

Тиберкуль издали увидел спускающегося с гор всадника. Весь в чёрном и на чёрной лошади, приближающийся со стороны безлюдья, он насторожил хозяина семейства. Крикнул старший брат младшего на помощь. Кинзелюк, хоть и далеко в горах был, услышал зов, но не смог прийти на помощь. Сам отбивался от кровожадного Тофалара, решившего немедля убрать соперника.

Времена были беспокойные. Рядом с сохой и бороной всегда ждали свой черёд копьё, меч, палица, щит, шлем и кольчуга. Хлебопашец крикнул жене Тубе, чтобы укрыла детей в укромном месте, а сам перепряг тягловую лошадь Рыжуху в ездовую. Снарядился для встречи незваного гостя.

Не знал богатырь о силе и коварстве Лиходея. Но и знал бы—всё равно принял бы бой за жену свою и детей малых. Лиходей—в доспехах из воронёной стали, но и Тиберкуль не лыком шит. Сближались и вздыбливались лошади.

Крепки щиты и кольчуги, не выдержали копья. Сломав их в верховом, конном бою, оба сошлись пешими. Долгим и тяжёлым был бой Тиберкуля с бессмертным носителем зла, коварства и всяких других непотребных людей качеств. На месте того боя ногами выбили землю на несколько саженей вглубь и не на одну версту в разные стороны. Лишь изредка возвышались каменные глыбы, на которые не ступала нога ратников. Лиходей был уверен, что победит мужика, но не удержался и применил коварство. Навёл чары, а с ними с каждым ударом меча или палицы часть богатырской силы переходила к нему, Лиходею.

Хорошо укрыла мать малолетних сынишек. Вот только удержать непосед в укромном месте Туба не смогла. Выскочили пострелята из укрытия в самое неподходящее время. Попыталась мать остановить несмышлёнышей, но и сама попалась на глаза Тёмному Богу. Привязал злодей к седлу Тубу, связанную по рукам и ногам. Детей же, как котят, в свой кожаный мешок поскидал и рядом к седлу тот мешок прикрепил.

Трудно было матери на ходу с тряской и качкой дотянуться до мешка с пригитхшими в нём детьми. Но не только дотянулась, а ещё и умудрилась зубами прогрызть в нём отверстие. Не для света проделала его, а чтобы не задохнулись малыши. Тогда же и взмолилась Туба:

— Уста я висеть, связанная. Руки, ноги затекли затянувшимися узлами безжалостными. Развяжи меня, непобедимый витязь, да посади на лошадиный круп. А я тебе петь буду, чтобы дальний путь скоротать.

«Пусть слух услаждает, поёт. Всё лучше, чем её причитания слушать»,—решил злодей, поверив, что пленница его за славного витязя приняла.

Развязал и усадил, как присла женщина. И полились песнопения. Подобно таёжному ручейку в густой и высокой траве, тихо переливались слова. Их сменяли те, что негромко звенят от лёгкой струи, перекатывающейся по мелким камушкам. Были в том песнопении и звуки, похожие на шелест речной волны, набегающей на песчаный берег. Не до гимнов было несчастной матери. Не звучали звучные песни речных порогов, шивер и перекатов. А негромкие мелодичные песнопения расслабили коварного пленителя, усыпили сначала его бдительность, а потом и самого злодея.

Попыталась Туба мешок развязать, чтобы детей из плена вызволить. Мудрёным узлом завязал Лиходей походную темницу с детьми в ней. Чем дольше пыталась мать развязывать узел, тем сильнее он затягивался. Нельзя было медлить, злодей мог проснуться в любой миг. Мать шепнула мальчикам:

— Выбирайтесь из своей темницы, да только без шума и спешки. Идите всегда только вниз. Там я вас и встречу.

Кинзелюк был силён, несмотря на молодость. К тому же был он красив и строен. Ещё до появления в горах Тофалара приметил юный богатырь двух сестриц красоты неописуемой — Бирысу и Чуну. Да только беда случилась: не знал добрый молодец, к какой из них подойти, на ком остановить свой выбор. Обе так прекрасны, что непросто был выбор.

Зато Тофалар, сын басурмана и сам басурман, с выбором не заморачивался. По басурманским традициям он мог иметь и двух жён, и трёх, и даже больше. Посадил он красавиц в охотничьих зимовьях. Каждой строго-настрога наказал ждать его для проявления ласки да преданности. Тогда же решил убрать с пути своего Кинзелюка.

Бой между ними произошёл на краю обрыва. Долго бился молодой богатырь с сыном Тёмного Бога. Каменная твердь под ногами прогибалась, уходила глубже и глубже. При этом каменными глыбами, вдавленными на месте сражения, вокруг сражающихся стали выдавливались другие скалы. Из тех скал выросли четыре пика высотой более двух тысяч метров каждый.

Сын Тёмного Бога покинул место сражения, когда израненный богатырь упал на дно образовавшейся ямы. Освободившись от тяжёлых доспехов, Кинзелюк выполз из ямы, но оказался на краю обрыва. Не удержался, сорвался богатырь. Более трёхсот метров было то падение.

С той далёкой поры на склонах кинзелюкских пиков образовались ледники. Ручьи с тех ледников принесли на место сражения ледниковую воду. Заполнив яму, вода выплеснулась за край обрыва. Без страха и усталости непрерывно падает она с огромной высоты и в наши дни. Это и есть Кинзелюкский водопад. Триста тридцать метров

летит вода в том водопаде, ударяясь о скалы, разбиваясь о них в брызги, образуя туман.

О глубине озера, возникшего в яме от бывшего сражения, никто не может знать и сегодня. Пытались люди измерить её, но ничем не смогли достать до дна. А место сражения и озеро то находятся на высоте тысяча шестьсот метров.

Оставила мать сыночков в надежде, что выберутся они. Сама она спустилась с гор к дому. Со смертельными ранами недолго жил Тиберкуль. Разыскав бесстрашного защитника, жена перенесла его, положила на самый высокий камень, а потом долго оплакивала любящего мужа и ласкового к детям отца.

На месте этого сражения теперь тоже озеро. Тающие ледники и снежники питают его чистой водой. В кристально чистой воде днём отражаются лёгкие облака, а ночью — звёзды. А ещё в лунную ночь ложится на воду серебристая дорожка. Чист был Тиберкуль душой и помыслами, оттого и озеро такой необыкновенной чистоты. Тот высокий камень не затоплен, островом стал. Вековой кедр украшает теперь тот остров.

Первым из темницы выбрался средний из сыновей, Кизир. Страшно было, потому и покинул мешок-темницу так тихо, будто просочился сквозь дырку, проделанную матерью. Последовал мальчишка наказу материнскому — пошёл только вниз. Нежданно-негаданно повстречались малолетний племянник и искалеченный, обескровленный и обессиленный дядя его, Кинзелюк. Решили, что вместе будет легче Тубу отыскать. Потому и пошли, поддерживая друг друга.

Старший из сыновей, Казыр, хоть и проворный, нескоро смог просочиться в отверстие. Невдомёк ему было, что сначала следовало помочь младшенькому избавиться от ненавистного плена. Просочился Казыр и побежал вниз. Как и Кизир, он то спрыгивал с круч, то пробивался сквозь скалы, то плутал по глухomanям и дебрям. Нет в дикой тайге ни дорог просёлочных, ни троп торных. Если и есть в низинах звериные тропы, то все они в горы уходят, а мать сказала, что всех детей внизу ждёт. От Кизира его отделял высоченный хребет Крыжина, который некоторые называют Центральным Саяном.

Самый маленький из братьев, Амыл, выбирался из плена дольше своих братьев. Умный конь вёз спящего Лиходея уже по Западному Саяну, когда Амылу удалось выбраться. Петляя сквозь дремучую тайгу и скалы, он тоже шёл всё ниже и ниже. Ему было страшно настолько, что он боялся даже плакать.

Всему бывает конец. Вот и Центральный Саян наконец-то дал Кизиру и Кинзелюку повстречаться с Казыром. Проследовав какой-то путь вместе, они повстречали Амыла. Там и ждала их мать. Чтобы защитить от Лиходея детей, себя и искалеченного

Кинзельюка, она пошла искать покровительства у славного витязя Енисея. По всем Саянам давно прошла весть о его непобедимости.

Сёстры

В те далёкие времена знали люди о всесиили двух братьев. Байкал был повелителем и стражем жизни морской, а брат его Тасей—повелитель тайги и всего живого в ней. И была у Тасея единственная дочь. Сейчас никто не помнит имени её. А всё потому, что не по имени звали её, а по принадлежности к влиятельному отцу: Тасеева дочь, или просто—Тасеева. Не из-за принадлежности к могущественному роду, а за красоту и стагь девушки сватались к ней видные собой сибиряки.

Только не хотел отец отдавать дочь за невесть кого, ждал жениха, достойного дочери влиятельного отца. Жил тогда в Восточном Саяне молодой хан по имени Канг. И он пришёл на поклон к Тасею—просить руки единственной и драгоценной дочери. Тогда-то стала Тасеева женой Канга, и родились у них две дочки—Бирюса и Чуна.

Ещё тогда, когда Тофалар был маленьким, Лиходей повстречал на своём пути молодого Канга. Не задумываясь, злодей напал на смертного. Не устоять бы Кангу, но вмешался всемогущий Тасей. Пришлось Лиходею отступить с затаённой злобой на всё семейство Тасея, со страстным желанием мстить за позор поражения.

Долго залечивал кровоточащие раны хан. Канг оставался ханом, но после памятного всем сражения его стали называть Каном. Если «кан»—это «кровь», то имя Кан с той поры означает «окровавленный». Справился молодой организм с недугом, а через много лет после того сражения появились у взрослеющих сестриц Бирюсы и Чуны маленькие братья—Агул и Кунгус.

Среди подданных Кана были и братья-хлебопашцы богатырского сложения—Тиберкуль и молодой брат его. Стал заглядываться Кинзельюк на красавиц, только никак не мог определиться, на ком из дочерей Тасеевой и Кана остановить свой выбор. Не просто было и собраться с духом, чтобы пойти к хану, просить в жёны одну из дочерей. Кан казался строгим и неприступным.

Раздумья богатыря Кинзельюка прервал Тофалар, злобно-воинственный сын Лиходея. Не из любви к красавицам, а из прихоти, что всё красивое должно принадлежать ему, заточил злодей девушек в глуши тайги и гор для собственных утех. От кого-то прознав о влюблённом богатыре Кинзельюке, Тофалар навёл ужас во всей округе, победив юного витязя из рода хлебопашцев.

Кан, узнав о заточении дочерей, понял, что молодой сын Лиходея непременно сведёт счёты с родителями и малыми братишками Бирюсы и Чуны. Едва оправившись от прошлого сражения со злым и коварным Лиходеем, Кан не мог

защитить дочерей, но он полагался на их собственную сообразительность в вызволении из плена. Не смог бы он противостоять злу и для защиты остальных членов семьи. Вот и пустились все они в бегство. Побежали разными бездорожьями, чтобы спастись остальным, если Тофалар пустится по следу кого-нибудь из них.

Долог ли, короток был путь каждого, но снова помог Тасей. Замёл он следы дочери так далеко, что даже родные не скоро смогли бы найти её. Помог старый Тасей и племянницам. Принёс он Чуне дурманящей сон-травы, чтобы та подала Тофалару её крепкий настой вместо чая. Сказал Чуне и о том, что Бирюсу о возможности побега можно оповестить через перелётных лесных сплетниц—сорок.

После нелёгкого сражения с Кинзельюком посетил Тофалар зимовье Чуны. Сделав вид, что проявляет заботу о господине, девушка напоила его чудодейственным отваром. Крепко уснул ненавистный прелюбодей. Не скоро должен был проснуться. Сбежала девушка сама и сообщила сестрице о возможности побега.

Непросто бежать сквозь буреломы. Нелегко было перепрыгивать через валуны и глыбы, встающие на пути. Все преграды преодолели беглецы, каждый на своём пути. Первыми повстречались Кунгус и Агул. Вместе они нашли отца Кана. Он и вывел сыновей под покровительство непобедимого витязя Енисея.

Своими путями спасались бывшие наложницы Тофалара. Чтобы сбить злодея со следа, если отправится вдогонку, при встречах с людьми называли себя другими именами. Только отдалившись от Саян, Она вновь стала Бирюсой, а Уда—Чуной. Девушки вернули себе прежние имена. Проплутав немалые расстояния, сёстры встретились. Мать чутьём определила место встречи—там и ждала дочерей. Вместе они в пути повстречали двоюродную сестру Тасеевой—дочь Байкала Ангару. О том, зачем бежала Ангара,—это уже другая история. Но все беглянки объединились в едином стремлении встретить Енисея.

Одинаково далеко и быстро разлетаются и добрые, и худые вести. Узнав о победе сына над Кинзельюком, позлорадствовал Лиходей над поражением юного витязя-хлебопашца, порадовался, что достойным отца вырос сын. Но радость его постепенно сменилась беспокойством. Слишком долго не поступали к нему вести о новых злодеяниях сына Тёмного Бога.

Долго спал Тофалар, напившись чудодейственного отвара из сон-травы. Настолько долго спал, что так и не проснулся. Силы и сама жизнь покинули его от полного истощения. Бездыханным застал Лиходей Тофалара. Забрал бессмертный тело сына и помчался разыскивать собратьев своих—Тёмных Богов. Только общими усилиями могли они вернуть зловещую жизнь смертному.

Тогда же узнал Лиходей, что все обездоленные им самим и сыном его ушли под покровительство Енисея. Мог бы бессмертный сразиться с ним, не откладывая, но торопился вернуть к жизни сына. А позже, когда Енисей пришёл к отцу, желание поквитаться и вовсе покинуло Лиходея. Всемогуц Ледовитый Океан. Хоть не мог он лишиться жизни бессмертного, но навечно заковать его в толщи своих льдов было по силам Океану.

В память о непростых временах места тех бесчинств в Саянах теперь Тофаларией зовутся. Ныне живут там добрые охотники тофалары, или просто — тофы.

Заклятие

Любят сибиряки свои прекрасные реки, любят и главную из них — Енисей. Потому и слагают легенды о любви. В легендах эти реки сквозь века несут взаимную любовь. Жители разных мест влюблены в свои реки и красоты, слагают предания о неповторимости своих уголков огромного мира. Расскажу я вам о Мане с Енисеем и о заповеднике «Красноярские Столбы».

Случилось это в очень давние времена у нас в Сибири. И в те времена было всякое — любовь и ненависть, отвлага и трусость, преданность и коварство... Было тогда два царства, а царями в них были братья Саяны. Уже тогда никто не помнил их молодыми. И в ту пору их мудрые головы убеляли седины.

В царстве Западного Саяна слагались легенды об отважном богатыре Енисее. Несмотря на молодость, он не проиграл ни одного сражения, выходил победителем в любом поединке с завоевателями. Бесстрашным, честным и удачливым знали Енисея. За кажущееся недостаточное почтение царской персоны, своеволие или за что-то ещё, но был витязь в опале у царя.

В царстве Восточного Саяна ходили легенды о красоте царевны со сладкозвучным именем Мана. До управления государственными делами девушка не доросла, а потому беззаботно порхала и резвилась, мечтая повстречать смелого витязя. Молве о красоте и смелости нет ни границ, ни преград. Запреты не помеха любви — они не гасят вспыхнувшее в сердцах пламя, а ещё сильнее разжигают его.

То же произошло с заочной любовью Енисея и Маны. Взаимной любви богатыря и красавицы стали чиниться препятствия.

— Нельзя допустить, чтобы опальный воин женился на царевне, — решили братья Саяны.

В ту пору красавицу Ману заметил злой и коварный воевода Такмак. Но не люб он девушке, не обращала она внимания на дорогие подарки воеводы. Даже волшебство поклонника, омолаживающее его, не давало результатов. Узнал Такмак, что сердце прекрасной девушки стремится

к молодому Енисею, стал и он препятствовать этой любви.

Велико коварство старого прелюбодея, но и оно не помогло. Чтобы устранить соперника, вызвал Такмак на бой Енисея. Не знал молодой богатырь ни о коварстве противника, ни о его чародействе. Только если бы и знал, то принял бы вызов, чтобы постоять за любовь, защитить любимую девушку от ненавистного ей злодея. А воевода подговорил в союзники Монгола, чтобы победить наверняка.

О желании Такмака стать женихом Маны узнали её родные. Теперь и седые Саяны готовы помогать Енисею. Собою заслонили красавицу Прадед и Дед с Бабкой, чтобы не видела девушка смертный бой Енисея с Такмаком. Даже Будда и Митра оберегали влюблённую от ненавистного чародея.

Долго бился молодой витязь с сильным своими чарами злодеем. Слабеет Такмак. На пути к отступлению любящий отец, Саян, преграду поставил, Китайскую Стенку. Предчувствуя своё поражение, безжалостный чародей превратил в каменные глыбы всех, кто помогал Енисею, укрыл Ману или просто оказался рядом.

И сам колдун от злости своей превратился в скалу, но перед тем наложил на влюблённых заклятие превращения.

— Лишь только Енисей и Мана сольются в поцелуе, тут же станут реками, — предрёк злой волшебник.

Издаль увидел витязь бегущую к нему девушку и поразился её возрасту.

«Какая же она юная! Даже ещё маленькая девочка, если быть точным. Не спасти её от посягательств коварного старика было бы проявлением полнейшего бездушия. Но и до моей любви не доросла юная красавица. Вот только как сказать ей об этом? Посоветую оставаться друзьями, быть рядом, пока подрастёт», — размышлял Енисей.

Не зная участи от исполнения заклятия, бросилась девушка к витязю, обняла его, но не пригнулась витязь для поцелуя, а сама она не дотянулась до губ любимого. Как и прежде, стремится Мана к любимому Енисею. И никакая сила не сможет разлучить их. Идут они теперь рядом, рука об руку, в ожидании, когда подрастёт юная красавица. Жаль только, что время словно остановилось для них.

А на месте битвы, кроме упомянутых, и теперь стоят каменные изваяния: Ермак, Беркут, Пёс, Дикарь, Гиф, Монах, Каин, Грешник, Перья... Порядка сотни столбов возвышаются над тайгой на десятки метров. Говорят, что свидетелю той битвы за любовь, Деду, уже десять миллионов лет.

Беглянка

С незапамятных времён шли к нам легенды. Если хотите, то сказками, а захочется, так былями их называйте. Каждая такая легенда наши сибирские места прославляет, о силе воли и духа сибиряков

готова поведать. И вам, друзья мои, не вредно знать о родных местах. О Байкале и дочери его Ангаре поведаю я вам.

Давно это было. Наверное, не один десяток тысячелетий с той поры успело отсчитать время. Давно, да только и по сей день живы герои этого предания. Вы знаете о них, хоть и в не человеческих облициях они теперь. Жил когда-то седой, умудрённый долгим жизненным опытом старик Байкал—богатырь, равного которому во всей округе не сыскать. И было у него триста тридцать шесть сынков и дочек. Все они любили отца, были послушными и трудолюбивыми. Все заботливо приносили ему водицы напиток.

И он всех любил. Более остальных любил он младшенькую дочурку—Ангару. Резва и говорлива Ангара. Характер своенравный, непокорный. Во всех спорах с сестрицами всегда её верх был. Потому и звали её не просто, а Верхней Ангарой. Услыхала она как-то раз от неутомонных чаек, что где-то живёт могучий, добрый сердцем богатырь Енисей. Заинтересовалась Ангара, расспросила у птиц, что ещё известно им о Енисее.

Рассказали белокрылые пернатые:— Светлый лик богатыря омрачён одиночеством. Странствует он в тоске и раздумье от южных гор к отцу своему, Северному Океану, который ещё Ледовитым зовётся. Степи прошёл Енисей, Красный Яр миновал, а судьбой наречённую не повстречал. На пути трудности преодолевает, чтобы встретить красавицу, которой в него суждено влюбиться и которую он сам полюбит.

«И я преодолею все преграды, а встречу светлого»,— решила влюблённая девушка.

Не прошла мимо юного сердца добрая молва чаек. Решила девушка дожидаться подходящей минуты, чтобы сбежать от старца,— разрешения отец не даст, а без любимого свет не мил стал. Сильнее других любил седой Байкал Ангару, но и на неё распространялись отцовские запреты. Отец слышать не хотел ни о Енисее, ни о дочерней любви.

Однажды ранней весной, когда старик крепко спал, укрытый своим белым ледовым одеялом, дочь сбежала от отца. Проснулся старик, рассердился на дочь за непослушание. Чтобы преградить беглянке путь, бросил огромный камень. Упала скальная глыба на пути, но нашлась девушка, обогнула препятствие. И теперь возвышается утёс Шаман-камень над водами водохранилища Иркутской ГЭС.

Несколько дней и ночей бежит влюблённая девушка по непроходимой тайге, сопки обходит, но держит путь к Северному Океану. Вдруг спохватилась:

— Что же это я всё к Океану бегу? Где любимый Енисей? Можно ли его средь Океана отыскать? Надо бежать наперерез.

И повернула беглянка на запад. А старик зол, громы и молнии мечет, чтобы остановить, вернуть к себе дочь. От грома и молний небо непроглядными тучами затянулось. Темно стало. Заблудилась Ангара в незнакомой тайге. О Кодинске и Кежме тогда и не слыхивали, а девушка как раз в этих краях плутала.

Затянулся нелёгкий путь к Енисею. Силён Байкал, да и у него силам предел имеется. Устал он громы и молнии извергать. Пролились дождями тучи, просветлело небо, появилось солнце ласковое. Перестала плутать, почти прямо на запад побежала Ангара.

После долгих странствий по тайге сибирской встретила с сестрой и племянницами, бежавшими от злодея. Вскоре все вместе они повстречались с тем, в кого по рассказам чаек влюбилась Ангара. А повстречавшись, не захотела расставаться Ангара. И Енисею приглянулась красавица. Понял он, что нашёл ту, которую так долго искал. Обнявшись, Енисей и Ангара дошли до Ледовитого Океана. Всем страждущим дал защиту Енисей.

Оценил Океан трудный путь каждого, обесмертил их. По пути пройденному потекли реки. Они вечны. Не иссякнут их воды, пока щедрое на тепло солнце будет растапливать ледники и снега, а земля-матушка даже в лютую сибирскую стужу родниками поить их будет.

Чтобы задобрить старого Байкала, послал ему Океан нерп. А Ангара с Енисеем послали отцу икряного омуля. Трудно было добираться нерпам и омулю по быстрой и порожистой Ангаре. Пока в пути были да о камни бились, обтёрся мех нерпы, светлее стал. Пришлась по вкусу пресная вода Байкала и нерпам, и омулю, размножились они. И теперь живут, радуя туристов и жителей Прибайкалья.

А Байкал после побега любимицы ещё строже стал. Ещё зорче и ревностнее охраняет он своих дочек. Так стережёт, что никто не замышляет покинуть старого отца. Но означает ли дошедшая до нас легенда, что следует приветствовать непослушание? В подтверждение этому в легенде нет ни единого слова. Верность своей мечте, целеустремлённость в достижении цели ради любви, необходимость преодоления всех трудностей, встающих на пути,— вот в чём главная идея легенды.

И вам предстоит познать любовь. И вы будете преодолевать преграды, препятствующие быть рядом с любимой или любимым. Всё непременно будет у вас, когда повзрослеете.